

ЦИВИЛИЗАЦИИ, ИДЕОЛОГИИ, ЭЛИТЫ

М.В. Александров

.....
Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты /
А.И. Подберёзкин, В.Г. Соколенко, С.Р. Цырендоржиев. М.: МГИМО-Университет,
2015. 464 с.
 .....

Книга «Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты» посвящена одной из наиболее актуальных тем науки о международных отношениях. В ней рассматриваются важные теоретические и практические вопросы, связанные со стратегическим прогнозированием международной обстановки (МО). Авторы концентрируют внимание на следующих вопросах: количественные и качественные параметры факторов развития субъектов международных отношений и всей международной системы; закономерности смены парадигм мирового развития; причины обострения межцивилизационной борьбы в XXI веке; роль субъективного фактора и политических элит в формировании МО; идеология как важнейший фактор противоборства на международной арене.

Книга дополняет и развивает концепции и положения, изложенные в предыдущих публикациях Центра военно-политических исследований (ЦВПИ) МГИМО. Структурно она состоит из трех глав. Первая глава посвящена основам анализа и прогноза развития МО на среднесрочную и долгосрочную перспективу, вторая – роли правящих элит в современных международных отношениях, третья – идеологии, как решающего фактора формирования МО в XXI веке.

Важнейшей теоретической и практической проблемой, которая рассматривается в книге, является многофакторный анализ развития основных субъектов МО – государств и цивилизаций. Авторы справедливо отмечают, что для этого анализа необходим учет большого числа факторов. Они в частности пишут: «В целом все группы в совокупности представляют десятки тысяч факторов, субъектов, акторов и тенденций, большинство из которых может иметь много характеристик и параметров. Так, только один из традиционных субъектов МО — государство, — например, Российская Федерация, имеет сотни важнейших параметров и критериев — от численности населения и территории, до величины ВВП, внешнего долга и численности ВС, — которые влияют на формирование существующего и будущего сценария развития МО» [1, с. 60].

При этом в книге особо отмечается, что важен анализ не только материальных, но и идеальных (духовных) факторов. Как справедливо отмечают авторы, «конкретный вероятный сценарий развития МО неизбежно должен учитывать максимально полно не только эти «физические», реалии, но и идеологические «намерения» правящей элиты по реализации этих реалий» [1, с. 60]. «Это означает, что даже один

.....
Александров Михаил Владимирович – ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России. E-mail: ellab@list.ru
 .....

■ Рецензии

субъект МО может и должен анализироваться под самыми разными углами зрения и под влиянием сотен и тысяч факторов. Достаточно сказать, например, что количество факторов внешнего влияния на политические цели одного субъекта МО измеряется сотнями и тысячами, а на всю группу субъектов МО, — соответственно — тысячами акторов и тысячами различных международных тенденций, а также прочих переменных», — подчеркивают они [1, с. 70].

Таким образом, авторы ставят важнейшую теоретическую проблему о том, какое количество факторов должно включаться в анализ и прогноз развития МО. При этом они справедливо указывают на то, что современные мощности компьютерной техники позволяют перерабатывать огромные массивы информации. «Для целей анализа и прогноза такое огромное число факторов и их показателей не является принципиальным затруднением, — отмечают они. — Существующие мощности вычислительной техники позволяют, например, одному из компьютеров Концерна ВКО «Алмаз-Антей» отслеживать в реальном времени состояние более 50000 факторов. Проблема заключается в построении методики и алгоритма, которых до сих пор не существует» [1, с. 60-61].

С другой стороны, совершенно понятно, что число анализируемых факторов не может быть бесконечным, так как в этом случае затраты ресурсов на сбор соответствующего материала станут просто неподъемными, а время сбора и обработки материала сделает осуществление конкретного анализа и прогноза непрактичным. То есть пока идет сбор и обработка информации, развитие МО настолько уйдет вперед, что прогноз, полученный на основе этих данных, уже утратит актуальность.

Более того, в этом случае встанет сложнейшая задача определения веса каждого конкретного фактора относительно других факторов. Причём, чем большее количество таких факторов будет задействовано в анализе, тем более сложной будет становиться эта задача. И после увеличения количества факторов свыше определенного предела эта задача станет совершенно неразрешимой. Действительно, как, например, определить степень влияния количества осадков в Китае в дождливый период и число ураганов в США на относительное соотношение сил между этими двумя странами?

Поэтому важнейшей задачей, которая еще не решена в методологии стратегического прогнозирования, является определение разумного количества ключевых факторов, которые достаточны для достоверного прогноза развития МО. Критерием при отборе таких факторов может быть, прежде всего, исторический опыт, то есть изучение того, какие факторы были решающими для динамики соотношения сил в исторической ретроспективе. Так, например, существует точка зрения, что для анализа соотношения сил достаточно измерений военно-политических

балансов государств, поскольку военный потенциал государства является концентрированным выражением его национальной мощи. А это уже намного облегчает задачу и позволяет свести количество факторов, подлежащих анализу к разумному минимуму. Более того, при таком подходе появляется возможность реально оценить относительный вес нематериальных факторов силы, например таких, как национальный характер или моральный дух общества.

Данный подход, видимо, справедлив и применительно к анализу интересов различных субъектов МО, которые, как правильно отмечается в книге, являются ключевыми элементами формирования МО [1, с. 61]. Здесь опять-таки встает вопрос о том, стоит ли анализировать как можно большее число интересов или надо выделить небольшое число ключевых интересов, влияющих на долгосрочную стратегию субъектов международных отношений. Ведь спектр интересов государств, особенно ведущих мировых держав, чрезвычайно обширен. Причем интересы, которые могут казаться основными на текущий момент, могут вовсе не быть долгосрочными, стратегическими. Более того, тактические и стратегические интересы могут иногда противоречить друг другу. И наконец, различные группы влияния могут продвигать совершенно разные интересы, не обязательно противоположные, но ставящие разные приоритеты.

Поэтому встает важнейшая теоретическая проблема определения того, какие интересы следует считать ключевыми для составления стратегического прогноза. Но если идти по этому пути, то, следовательно, возникает вопрос о том, из какого критерия исходить? И здесь в качестве одного из возможных вариантов можно было бы предложить критерий отношения субъектов МО к основному вектору развития международной системы, то есть к тому, в каком направлении происходит изменение мирового соотношения сил. Если применять этот критерий, то в любой ситуации можно выделить три группы стран — те, которые заинтересованы в сохранении статус-кво; те, кто выступают за изменение статус-кво; и те, которых устраивает и тот и другой вариант развития событий. Введение такого критерия позволило бы существенно ограничить число интересов субъектов МО, подлежащих анализу и сделать эту работу практически осуществимой.

Таким образом, в книге поставлены важнейшие теоретические вопросы, связанные с выявлением факторов, индикаторов и параметров по которым следует оценивать перспективы эволюции системы международных отношений, изменение соотношения сил между субъектами этой системы и их воздействие, объективное и субъективное, на эти изменения.

К сожалению, единого подхода в России к этому вопросу в теории международных отношений и прикладных исследованиях пока не наблюдается. Возможно, его и не может быть в

■

принципе, так как оценка значимости тех или иных факторов – дело субъективного выбора. Экономисты будут всегда настаивать на приоритете экономики, военные – военной мощи, идеологи и религиозные деятели на роли ценностей и морального духа. Поэтому, видимо, было бы правильно дать простор различным научным школам, которые конкурировали бы в своих прогнозах. И такая конкуренция в конечном итоге продемонстрирует, какая школа способна осуществлять наиболее адекватные прогнозы. То есть теория должна быть подтверждена практикой.

Второй ключевой темой книги является роль правящей элиты в выработке внешней политики государств и формировании современной системы МО. Анализируя эту проблему, авторы развивают некоторые положения концепции американского политолога Самюэля Хантингтона об обострении конфликта цивилизаций в XXI веке [2]. Здесь важно отметить, что Хантингтон просто констатировал нарастание межцивилизационного противоборства на основе эмпирического анализа, не дав этому сколько-нибудь развернутого теоретического объяснения. По его словам, «народы и страны со схожими культурами объединяются, народы и страны с различными культурами распадаются на части» [2, с. 185]. Но так, на самом деле, было всегда в мировой истории.

Поэтому важное теоретическое и практическое значение имеет вывод авторов книги о том, что нарастание конфликта цивилизаций связано с процессом глобализации, и, в частности с тем, что в процессе «формирования качественно новой системы МО ключевая роль переходит от национальных государств к локальным человеческим цивилизациям». А происходит это, по их мнению, потому, что противоборство в системе МО «переносится из традиционных областей (контроль над государствами) в нетрадиционные, прежде всего, контроль над элитами и обществами, их системами ценностей, которые являются цивилизационными, а не государственными атрибутами». Вторую причину авторы видят в изменении веса различных факторов влияния на формирование МО – повышение роли различных негосударственных акторов, включая национальные и религиозные движения, неправительственные организации, а также многочисленные сетевые структуры, начиная от международных объединений финансистов до глобальных террористических организаций. Понятно, что физическое присутствие и активность этих структур выходит далеко за границы национальных государств [1, с. 138].

Естественно, возникает вопрос, почему такие изменения стали возможны? Видимо, потому, что информационная революция и развитие средств коммуникации значительно облегчили прямые контакты между людьми, организациями и бизнес-структурами. Причем эти контакты стали менее подвержены контролю со стороны

государств. Условно говоря, обмен информацией между людьми стал возможен в реальном режиме времени и в мировом масштабе, чего раньше не было. Поэтому возникла возможность влиять на мировоззрение многомиллионных масс людей и трансформировать это мировоззрение в желательное для заказчика русло. В прошлые эпохи такое воздействие было просто недоступно, а, следовательно, целенаправленное изменение системы ценностей целых наций и государств было нереально, точно так же как и создание неправительственных организаций и движений общемирового охвата.

По этим причинам в прошлые столетия попытки добиться трансформации мировоззренческих систем наций и государств хотя и предпринимались, но заканчивались неудачей, либо занимали слишком много времени, чтобы быть инструментом реальной политики. Так, например, попытка западной цивилизации поставить Россию под контроль католичества в период смуты начала XVII века не увенчалась успехом. Даже в условиях военного поражения от польских интервентов и предательства части боярской знати, российская элита в целом отказалась принять сюзеренитет католического короля Польши. А инструментов перекодирования мировоззрения всей российской элиты, или большей её части, у Запада тогда не оказалось.

С другой стороны, миссионеры Ватикана успешно распространили католичество по всей Латинской Америке, однако этот процесс занял несколько столетий и стал возможным только благодаря военной оккупации и силовому подавлению местных религиозных культов. Одним словом, проповедь могла быть успешной только тогда, когда поддерживалась превосходящей военной силой. В тех же районах, где существовала устойчивая государственная власть, способная постоять за свои ценности и готовая бороться за них, успех католического миссионерства был фактически нулевой.

Однако, ситуация начала меняться после того, как получили развитие средства коммуникаций, позволяющие бесконтрольно пересекать границы различных стран. Это, прежде всего, радио и телевидение. Однако и возможность большого количества людей перемещаться через континенты в туристических и деловых целях тоже играла свою роль. Так, поездки советских туристов, ученых, журналистов, работников госаппарата на Запад безусловно способствовали размытию социалистического мировоззрения у представителей советской элиты. А в сочетании с целенаправленной и массовой пропагандой по различным радиоголосам, распространением западных кинофильмов и музыки это вело к трансформации системы ценностей всего советского общества.

Примечательно в этой связи, что ещё патриарх теории политического реализма Ганс Моргентау отмечал, что именно информационный способ влияния на другие общества

■ Рецензии

является наиболее сильным и устойчивым. Он даже ввел специальный термин «культурный империализм», который он называл «наиболее изощренной и... наиболее успешной империалистической политикой». По словам Моргентау, культурный империализм «направлен не на захват территории или контроль над экономической жизнью, но на завоевание и контроль над умами людей». ««Если представить себе, что культура и, в особенности, политическая идеология... государства А, завоевала умы граждан, определяющих политику государства Б, то государство А одержало бы более полную победу и строило бы свое господство на более устойчивом основании, чем любой военный завоеватель или экономический хозяин», - подчеркивал он [3, р. 40].

По существу эта концепция и была реализована Западом в ходе холодной войны против СССР. Однако, даже в советскую эпоху на том достаточно высоком уровне глобализации, этот процесс занял более 40 лет и потребовал десятков миллиардов долларов. А в XXI веке возможности информационного воздействия на мировоззрение народов, или хотя бы политических элит, целых стран многократно возросли. Как справедливо отмечается в книге: «Возможности для искажения представлений правящей элиты извне достаточно обширные, а в XXI веке они существенно увеличились, что превратило возможность внешнего влияния в инструмент управления правящей элитой...» [1, с. 183].

Это можно наглядно видеть на примере Украины, где достижение цели перекодирования общества из русских в антирусских заняло не более 20 лет и потребовало всего 5 млрд долларов. Более того, как показал опыт «арабской весны», для внесения раскола и разлада в любое общество (что следует отличать от перекодирования) требуется еще меньше времени. По существу, речь может идти о трех-четырёх годах, необходимых для обработки части элиты конкретной страны в определенном духе (не обязательно прозападном), чтобы запустить процесс дестабилизации. Так, например, раскол в Ливии был спровоцирован по региональному и племенному признаку, в Египте – между светской элитой и религиозной её частью, в Йемене и Сирии – между шиитами и суннитами. Таким образом, развитие средств коммуникаций и информационная революция создали необходимые и достаточные условия и инструменты для быстрого и эффективного распространения влияния на мировоззрение целых народов.

Между тем, «культурный империализм» и информационная война являются наименее затратным и рискованным способом достижения политической победы на международной арене, особенно в условиях наличия ядерного оружия, которое делает крупномасштабную войну самоубийственной для любого агрессора. Эта ситуация привела к видоизменению характера войн и

вооруженных конфликтов в современную эпоху. В этой связи авторы констатируют, что сейчас основной целью войн становятся не государства в целом, а элиты других стран. «Самым главным стало воздействие на систему ценностей и политическую позицию правящей элиты, а собственно ВС, ВиВТ, военный потенциал и даже контроль над территорией и столицей уже потеряли практическое значение», - подчеркивается в книге [1, с. 189].

Таким образом, задачей современных войн со стороны западной цивилизации является либо подчинить элиты других стран западному влиянию, либо, в случае невозможности сделать это, внести в эти элиты раскол и спровоцировать внутренний вооруженный конфликт, ведущий к ослаблению и распаду этих стран. То есть в современном мире информационное воздействие на элиту противника становится ключевым фактором формирования МО и ВПО. «Суть информационной войны в XXI веке сводится к максимальной ценностной дезориентации противостоящей правящей элиты с тем, чтобы использовать это для последующего силового давления и реализации силовой политики», - отмечается в книге [1, с. 233].

Авторы указывают, что «конечной целью такой деформации систем ценностей и интересов» других государств является «приведение их к некой универсальной системе «мировых ценностей», которая автоматически означает и создание универсальной мировой системы правовых норм, которыми должны в обязательном порядке руководствоваться государства, даже если они и противоречат их ценностям и интересам» [1, с. 420]. «При этом сама западная цивилизация «объявляется «эталоном», «самодостаточной системой ценностей», «образцом» для подражания и, может быть, главное — той «абсолютной» международной нормой, которой должны соответствовать другие локальные цивилизации, нации и страны... В противном случае эти цивилизации оказываются «нецивилизованными», «недемократическими» и т.д. и в их отношении формируется неблагоприятная МО и ВПО» [1, с. 432].

Характерно, что на эту особенность поведения Запада в разворачивающемся противоборстве цивилизаций обращал внимание ещё С.Хантингтон. Он, в частности, писал: «Запад пытается и будет продолжать пытаться сохранить свое высокое положение и защищать свои интересы, называя их интересами «мирового сообщества». Это выражение стало эвфемизмом (заменив “свободный мир”) и призвано придать иллюзию правомочности в глазах всего мира действиям, отражающим интересы США и других западных держав». [2, р. 116]

В итоге авторы книги приходят к важнейшему выводу о «виртуализации» всей системы международных отношений в современную эпоху [1, с. 220]. Они, в частности, пишут: «Развитие современного сценария МО характеризуется ещё

более быстрой искусственной виртуализацией действительности, когда сознательно создается некая нереальная виртуальная (выгодная западной системе МО) реальность, которая начинает все сильнее влиять на сценарий развития МО. И объективные реалии и знания в этом процессе играют подчиненную идеологии роль, т. е. сознательно подгоняются под необходимую субъекту МО реальность» [1, с. 378].

Виртуализация МО, как отмечают авторы, не происходит сама собой, а требует существенных ресурсов и затрат. «Надо понимать, что существует и дезинформационный процесс формирования «виртуального образа» — процесс, требуемый времени и усилий не только в СМИ, но и в политических и дипломатических, и экспертных кругах, которые — это важно подчеркнуть — специально готовятся и для них выделяются специальные ресурсы. Другими словами, это достаточно ресурсный процесс дезинформации, требующий времени. Он необходим для формирования у оппонента «ложной цели» и неэффективной траты ресурсов», — подчеркивается в книге [1, с. 381]. При этом, «западная ЛЧЦ имеет огромные возможности и резервы сознательного искажения МО как в целях внутренней, так и внешней политики... Более того, это огромное преимущество используется против общества и правящей элиты России, сознательно дезориентируя их в оценке важнейших мировых событий, включая МО» [1, с. 223].

И действительно, если посмотреть на политику Запада по отношению к России, то такие «ложные цели» ставились перед Москвой регулярно. И пожалуй, наиболее «успешной» и разрушительной ложной целью следует считать миф о возможности построения единой Европы с участием России — «от Атлантики до Владивостока» или в изложении пропагандистов ЦК КПСС времен Горбачёву мифическую цель, СССР пошёл на беспрецедентные в мировой истории уступки Западу и по существу самликвидировался.

К сожалению, рецидивы этого мышления у части российской правящей элиты стали настолько глубоки, что по-прежнему можно встретить рассуждения о «плохих США» и «хорошей Европе», о возможности отрыва Европы от США и создания общего экономического пространства с участием ЕС и ЕАЭС. Между тем, западная политика грамотно эксплуатирует эти комплексы российской элиты. Для поддержания этого мифа постоянно осуществляются различные вбросы информации о «непреодолимых противоречиях» между ЕС и США. Также регулярно звучат высказывания западных политиков второго ряда, экспертов, журналистов, политологов о том, что сценарий единой Европы с участием России вполне реален.

Между тем, как справедливо отмечают авторы книги, «сетевая стратегия не просто допускает, но и планирует массовый вброс

информации» [1, с. 433]. По их словам, «в XXI веке — не только в России, но, прежде всего, в мире — сложились две реальности в анализе и прогнозе МО — формально-практическая и виртуальная, — которые не соответствуют друг другу и нередко открыто противоречат... однако, неясно какая из этих двух реальностей «более реальна»: нередко «виртуальная реальность» оказывается более реальной» [1, с. 350]. «...Нередко оказывается, что виртуальная политика и стратегия важнее, чем реальная, т. е. публичные, заведомо пропагандистские, заявления становятся реальной политикой, а не наоборот», — указывается в книге [1, с. 351]. В качестве одного из примеров «успешной» виртуализации МО авторы приводят ситуацию на Украине и вокруг нее, где была создана «атмосфера русофобии...», которая привела, в конечном счете, к незаконной смене власти» [1, с. 377].

Из книги становится ясно, что контроль западной цивилизации над своими СМИ и идеологическим аппаратом, наряду с действием различных НПО и агентов влияния Запада в странах других цивилизаций, позволяет настолько исказить картину международной жизни, что она перестает отражать реальность. Проникнуть сквозь эту виртуальную реальность могут только люди, умеющие сами добывать и анализировать исходную информацию из разнообразных источников. Но таких на самом деле не много даже в элитных кругах различных стран, поскольку у людей либо просто не имеется достаточно времени, либо соответствующего гуманитарного образования.

Поэтому, отмечают авторы, «становится все более актуальной задача отделить в анализе и прогнозе развития МО и ВПО реальность от вымыслов и дезинформации» [1, с. 373]. «... Рассматривая существующие и будущие сценарии развития МО и ВПО, требуется акцентировать внимание, прежде всего, на содержании идеологии, концепций и субъективных оценок в политике «сети», а не на ее формальных моментах», — отмечают они [1, с. 433].

На этом фоне важнейшее значение в междоцивилизационном противоборстве приобретает идеологический фактор. Не случайно его анализу уделяется в книге первостепенное внимание. Авторы рассматривают диалектическую взаимосвязь между идеологическим и политическим влиянием, отмечая что эта взаимосвязь «прослеживается через всю историю человечества». Однако в современную эпоху «лидерство в идеологии стало важнейшим условием политического и экономического лидерства и военной победы. «Отказываясь от претензий на такое лидерство, нация изначально соглашается на роль ведомого в политике, экономике и даже науке и технологиях», — подчеркивают они [1, с. 328].

Единственный способ успешно противостоять западной информационной экспансии, как указывают авторы, состоит в том, чтобы иметь понятную и поддерживаемую обществом на-

---

■ Рецензии

циональную идеологию. «...Роль наиболее адекватной идеологии в XXI веке — во многом определяющая и решающая, в национальном и государственном строительстве вообще и во внешней, и военной политике, в частности», - подчеркивают они. [1, с. 331]. Во-первых, это связано с тем, что преодоление виртуальной международной реальности, создаваемой Западом, и понимание истинных целей и интересов субъектов МО, невозможно без наличия четкой системы координат и критериев оценки. А такую систему координат и критериев может дать только целостная, непротиворечивая национальная идеология. «В условиях ведущейся сетецентрической войны против России исключительно важным становится точное понимание политики противника, которое возможно только на основе идеологической, адекватной оценки всей суммы идей, концепций и «смыслов», — собственных и чужих — которые, так или иначе, используются в этой войне локальными цивилизациями и нациями», - отмечают авторы [1, с. 375].

Во-вторых, выработка адекватной внешней политики и национальной стратегии невозможно без общего понимания целей и задач, а это, в свою очередь, невозможно без единой идеологии, по крайней мере, в кругу правящей элиты. В этой связи, авторы справедливо указывают, что «идеологические шараханья, выбор неверной идеологии предполагает выбор ложной системы политических и военных взглядов, не являющихся адекватным отражением действительности». Более того, «неверная идеология означает и выбор неверной стратегии, неверного алгоритма действий и модели государственного и общественного развития». [1, с. 332].

В этих условиях идеологический релятивизм или «деидеологизация» правящей элиты делает её легкой мишенью для иностранного идеологического воздействия. Между тем, именно такая ситуация сложилась сейчас в России. Авторы с сожалением констатируют, что российская элита оказалась и продолжает пребывать в таком состоянии «дезориентации». Они отмечают, что «у России нет «верхнего этажа» политики и стратегии — системы идеологических взглядов и ценностей, — что сказывается ежедневно и

ежечасно, как на уровне развития менее приоритетных стратегий, так и на эффективности управления, но более всего — на монолитности правящей элиты страны. Отсутствие «идеологических рамок» для правящей элиты ведет не просто к идеологическому многообразию и хаосу, но ценностной дезориентации» [1, с. 402].

Между тем, именно российская элита, как показано в книге, является главной целью сетецентрической войны развернутой Западом против России, а точнее способность элиты «адекватно воспринимать национальные ценности и интересы, формулировать точные цели и задачи и эффективно использовать имеющиеся национальные ресурсы» [1, с. 416]. Отсюда вытекает и самый главный вывод данного исследования. Он состоит в том, что российская правящая элита требует срочного реформирования, её качество должно быть существенно повышено, иначе Россию ждет неминуемое поражение в сетецентрической войне с Западом. «В XXI веке требования к профессиональным и управленческим навыкам правящей элиты стремительно возрастают, а её субъективное положение и качество становится нередко решающим фактором политического успеха», - указывается в книге [1, с. 417].

Подводя общий итог, следует отметить, что рецензируемая книга, является весомым вкладом в развитие теории международных отношений. Она содержит интересный фактический материал, множество полезных и актуальных наблюдений, оценок и выводов. Она, без сомнения будет представлять интерес для тех, кто хотел бы разобраться в сложных перипетиях современной мировой политики. В частности, она дает адекватное объяснение многим кажущимся несуразностям, конфузам и противоречиям в политике Запада, которые на поверку являются хорошо просчитанными ходами в стратегии межцивилизационного противоборства и сетецентрической войны против других цивилизаций. Книга адресована специалистам, занимающимся международной и военно-политической проблематикой, научным работникам и студентам, экспертам и политологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами внешней и оборонной политики.

Список литературы

1. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А.И.Подберёзкин, В.Г.Соколенко, С.Р. Цырендоржиев. М.: МГИМО-Университет, 2015. 464 с.
2. Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. 576 с.
3. Morgenthau Hans. Politics Among Nations. New York: Knopf, 1948. 752 p.

CIVILIZATIONS, IDEOLOGIES, ELITES

M.V. Aleksandrov

The Present International Situation: Civilization, Ideology, Elites / A.I.Podberezkin, V.G.Sokolenko, S.R. Tsyrendorzhev. Moscow: MGIMO-University, 2015. 464 p. (In Russian)

References

1. 1. The Present International Situation: Civilization, Ideology, Elites / A.I.Podberezkin, V.G.Sokolenko, S.R. Tsyrendorzhev. Moscow: MGIMO-University, 2015. 464 p. (In Russian)
2. 2. Samuel P. Huntington, The clash of civilizations and the remaking of world order. Simon & Schuster. 1996, 368 p.
3. 3. Morgenthau Hans. Politics Among Nations. New York: Knopf, 1948. 752 p.